

«Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: недоимки по подушной подати в 1720–1760-х годах

Елена Корчмина

Особенности складывания и функционирования фискальной системы считаются в современной историографии Нового времени важным индикатором, позволяющим судить о способности того или иного государства адекватно отвечать на экономические и военные вызовы эпохи раннего модерна. В этой связи достаточно большое распространение в современных исследованиях приобрело понятие «fiscal-military state»¹, отражающее главный *raison d'être* государств той эпохи – выживание в обострившемся континентальном соперничестве, которое напрямую зависело от эффективности мобилизации материальных ресурсов через фискальную систему. Изучение сбора налогов с помощью понятий «подушевая налоговая нагрузка», «годовые налоговые поступления» и др. позволяет оценивать не только экономический потенциал той или иной страны, но и функционирование её государственного аппарата, состояние политической системы и многое другое.

Однако использование этих категорий при изучении истории России раннего Нового времени пока представляется преждевременным. Анализ финансовой и фискальной истории страны в XVII–XVIII вв. до сих пор крайне затруднён из-за отсутствия самых необходимых базовых расчётов. Так, даже существующие цифры по бюджету России XVIII в. являются очень приблизительными². С одной стороны, эта ситуация отражает недостаточную изученность тогдашней российской экономики, а с другой – её слабо монетизированный характер. По этим причинам неудивительно, что работы европейских исследователей, пытающихся применить концепцию «fiscal-military state» к изучению налоговой истории России, отличаются умозрительностью и схематизмом³.

© 2013 г. Е.С. Корчмина

Статья создавалась в период работы в статусе приглашённого исследователя Центра гуманитарных исследований Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ по программе «Карамзинские стипендии 2012 г.», поддержанной Фондом Михаила Прохорова. Автор выражает благодарность сотрудникам РГАДА, РГВИА и Государственного архива Рязанской области, И.И. Федюкину, М.Б. Лавринович, И.А. Христофорову, М.А. Киселеву, а также всем участникам семинаров по проекту «Становление государства раннего Нового времени: налоговое измерение».

¹ Одна из последних работ по этой теме: The Rise of Fiscal States: A Global History, 1500–1914 / Ed. by B. Yun-Casalilla, P.K. O'Brien, F. Comin Comin. Cambridge, 2012.

² См.: *Троцкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1956. С. 214; *Курукин И.В.* История России XVIII века. М., 2010. С. 67.

³ См., например: *Hellie R.* Russia, 1200–1815 // The Rise of the Fiscal State in Europe, circa 1200–1815. Oxford, 2010. P. 480–505; *Gartell P.* The Russian fiscal state, 1600–1914 // The Rise of Fiscal States... P. 191–212.

При этом парадокс заключается в том, что ненадёжность существующих оценок финансового положения страны далеко не в полной мере осознана историками. Современные западные, а во многом и российские исследователи зачастую полагаются на данные дореволюционных и советских авторов⁴. При этом упускается из виду, что работы последних, охватывая широкий круг проблем и претендуя на обобщающий характер, создавались в условиях острого дефицита первичных данных и углублённых исследований отдельных аспектов финансовой истории страны. Обобщения в данном случае предшествовали накоплению эмпирического материала. Между тем сформулированные тогда концепции порой продолжают восприниматься не как первое приближение к истине, а как нечто доказанное. В результате изучение этой темы в последние десятилетия фактически остановилось, хотя в существующих работах по сути лишь поставлен круг тех вопросов, на которые ученым ещё предстоит дать ответ.

На первый взгляд, налоговая система России после введения подушного обложения в 1720-х гг. была достаточно проста. Значительная часть бюджета (в разное время от 40 до 55%) со второй четверти XVIII до конца XIX в., как и в других странах Европы (Франции, Австрии, Голландии, Баварии и др.), формировалась благодаря прямым налогам. В отличие от большинства европейских стран, главным из них в России являлась подушная подать. При этом введение последней в России не было первым подобным опытом на пространстве европейского континента. Например, в 1677 г. аналогичный налог был введён в Пруссии, однако там этот опыт оказался неудачным, и вскоре от него отказались⁵. В России же он просуществовал более 150 лет, причем на протяжении большей части этого времени страна была достаточно успешной военной державой. Возникает вопрос: почему опыт, оказавшийся неприемлемым для европейских стран, был столь живуч и, видимо, удачен в нашей стране?

Отвечая на него, необходимо прежде всего иметь в виду несколько специфических для России обстоятельств. Подушная подать, введённая Петром I, должна была заменить многочисленные существовавшие до того налоги, она относительно легко рассчитывалась и собиралась. При этом в отличие от Европы, в России не было откупной системы сбора прямых налогов. Государство здесь заранее определяло точную сумму налога, которую оно хотело получить, после чего налог должен был быть полностью собран до конца текущего года. Поскольку основной доход налогоплательщики получали от реализации собранного в конце лета – начале осени урожая, они регулярно оказывались в очень непростой ситуации, не имея достаточного времени для одновременной реализации урожая и уплаты налога. Но в цейтноте постоянно оказывалось и

---

⁴ Алексеев М.М. Действующее законодательство о прямых налогах. СПб., 1879; Брже-ский Н. Недоимочность и круговая порука сельских обществ. Историко-критический обзор действующего законодательства, в связи с практикою крестьянского податного дела. СПб., 1897; Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII веке. М., 1903; Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2. СПб., 1905; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906; Троицкий С.М. Указ. соч.; Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982.

⁵ Причины отказа от подушной подати в Пруссии формулируются в доступных мне работах в предельно общих выражениях, см.: Wilson P.H. Prussia as a Fiscal-Military State, 1640–1806 // The Fiscal-Military State in Eighteenth-Century Europe. Essays in honour of P.G.M. Dickson / ed. C. Storrs. Farnham, 2009. P. 113.

правительство. Вплоть до 1760-х гг. оно не имело возможности прибегать к иностранным займам, от которых зависели многие европейские правительства. С учётом этих обстоятельств хорошая собираемость подушной подати становилась жизненно важным условием самого существования государства.

Однако что можно считать «хорошей», «плохой» или «достаточной» собираемостью? Применительно к Пруссии существует точка зрения, что 90-процентная собираемость имперских налогов отражала достаточно высокую эффективность государственной власти⁶. Правда, стоит заметить, что собираемость – далеко не единственный, а, возможно, и не главный показатель работоспособности налоговой системы. Но в России именно недоимки (или, по терминологии XVIII в., «доимки») стали чуть ли не единственным критерием, который до сих пор служит для оценки функционирования государственного аппарата в фискальной сфере. Считается, что они легко прослеживаются в документах, рассчитываются, и, самое важное – прямо отражают как благосостояние населения и степень его эксплуатации государством, так и налаженность работы последнего. Часть историков традиционно воспринимают недоимки главным образом как показатель тяжести налогового бремени и разорительности налогов для крестьянского хозяйства⁷. Сторонники же теории «fiscal-military state» считают, что недоборы по подушной подати свидетельствовали прежде всего о недостаточной эффективности налоговой системы и проблемах в работе административного аппарата⁸.

Между тем устоявшиеся представления о значительных размерах недоимок далеко не всегда обоснованы, а цифровые данные, на которые они опираются – не всегда корректны и прозрачны. С другой стороны, точка зрения о незначительном размере недоимок, которая получает всё большее распространение в последние два десятилетия, не приводит к концептуальному переосмыслению фискальной истории России⁹. Таким образом, ситуация выглядит достаточно парадоксально: недоимки рассматриваются как важный индикатор самых разнообразных процессов, но при этом практически не существует исследований, которые бы отвечали на ключевые вопросы о том, что в разное время понималось под недоимками, как они формировались и репрезентировались, и главное, о чём именно сигнализировали.

В центре данной статьи – два взаимосвязанных сюжета: во-первых, динамика представлений правящих кругов Российской империи XVIII в. о недоимках и, во-вторых, реальная ситуация с собираемостью подушной подати. Помимо собственно фискальной тематики, которая изучена явно недостаточно, анализ этих сюжетов, как представляется, способен пролить новый свет на целый ряд важных проблем, связанных со становлением админист-

⁶ North M. *Finances and Power in the German State system* // *The Rise of Fiscal States...* P. 155.

⁷ См.: Ключков М.В. Ревизская душа как окладная единица при Петре I // Учёные записки Ростовского на Дону финансово-экономического института. Т. 2. Ростов н/Д, 1948. С. 156; Троцкий С.М. О влиянии фискальной системы на положение крестьян России в XVII–XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 289; Лоренц Э. Росийское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 77.

⁸ См., например: Hellie R. *Op. cit.* P. 496–497.

⁹ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 267; Kahan A. *The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia*. Chicago, 1985. P. 321; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: проблемы формирования внутриаполитического курса. (1730–1740). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 639.

ративной системы империи, взаимодействием различных уровней управления, степенью информированности центрального правительства о ситуации на местах.

Чем являлась недоимка для правительства XVIII в.? Для ответа на этот вопрос следует прежде всего проанализировать законодательные источники. Конечно, сами по себе недоимки не были чем-то новым для России: недоборы по налогам характерны и для XVII в.¹⁰, и для более раннего времени, что отразилось и в законодательстве¹¹. Но активная и систематическая борьба правительства с недоимками началась именно с введением подушной подати, и связано это было в первую очередь с тем, что последняя стала единственным прямым налогом, информацию о поступлении которого, как казалось, сравнительно легко контролировать.

Изучение законодательства показывает, что недоимки по подушной подати «появились» практически сразу после её введения и вызвали у правительства большую тревогу. Уже в указе 18 марта 1726 г. было зафиксировано то определение, которое надолго станет клишированным выражением на эту тему: «многая доимка»¹². Через год мысль о бедственном положении с собираемостью подушной подати повторилась снова¹³. 31 мая 1728 г. был издан указ, согласно которому «тяжкий его величества гнев и наказание», вплоть до конфискации имущества, «падёт на тех, кто какую-нибудь недоимку утаит»¹⁴. Учítывая, что подать стала собираться лишь с 1724 г.¹⁵, само появление этих указов вроде бы демонстрирует, что правительство очень быстро «узнало» о сложной ситуации со сбором подати и «обнаружило» причины сложившегося неблагоприятного положения. В указах настойчиво повторялась мысль, что главной причиной недоимок является бедственное состояние крестьян: «Не точию крестьяне, на которых содержание войска положено, в великих скудостях обретаются и от великих податей и непрестанных эзекуций и других не порядков в крайнее разорение приходят»¹⁶.

Стремительность формирования столь удручающей картины вызывала у историков сомнения в её адекватности реальному положению дел. Так, Е.В. Анисимов считает, что риторика упомянутых указов отражала не столько плохую собираемость подушной подати, сколько негативное отношение в «верхах» к петровским преобразованиям в целом¹⁷. Действительно, в соответствии с отчётом 1727 г., недоимки в 1724 г. составили только около 8%, а в 1725 г. – 10% оклада¹⁸. В этой связи возникает несколько вопросов: во-первых, какой уровень неуплаты правительство считало значительным, а во-вторых, насколько точно оно могло оценить реальный уровень недоимок? Законодательство не позволяет ответить на эти вопросы. Можно только с уверенностью сказать, что правительство активно требовало оперативной присылки сведений о поступ-

---

¹⁰ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Лекция 51 // *он же*. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. М., 1989. С. 215–216.

¹¹ ПСЗ-I. Т. 1. № 492, 555, 642 и др.

¹² ПСЗ-I. Т. 7. №. 4857.

¹³ Там же. № 5017.

¹⁴ ПСЗ-I. Т. 8. № 5276.

¹⁵ ПСЗ-I. Т. 7. № 4533, 4534.

¹⁶ Там же. № 5017.

¹⁷ Анисимов Е.В. Указ. соч. С. 265.

¹⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета 1726–1730. Т. 3 // Сборник Русского исторического общества. Т. 63. СПб., 1888. С. 295.

**Число указов, прямо связанных с недоимками по подушной подати,
во второй и третьей четвертях XVIII в.**

Номер тома ПСЗ	Годы	Число указов о недоимках
VII	1723–1727	11
VIII	1728–1732	30
IX	1733–1736	20
X	1737–1739	32
XI	1740–1743	10
XII	1744–1748	4
XIII	1749–1753	1
XIV	1754–1757	3
XV	1758–1762	5

Составлено по: ПСЗ-I. Т. 7–15.

лении подати (например, в соответствии с указом 19 июля 1727 г. – раз в две недели)¹⁹.

В 1730-х гг., если судить по законодательству, собираемость подушной подати оставалась столь же удручающей, либо даже ухудшилась. Во-первых, вырастает число указов, в которых говорится о значительных недоимках. Содержательно эти указы были направлены на реформирование налоговой администрации на местах, но катализатором преобразований была растущая тревога по поводу недоимок и тяжести подушной подати, о чем в них неоднократно писалось. (О динамике издания законодательных актов, посвящённых недоимкам, см. табл. 1). Во-вторых, расширяется спектр и усиливается тяжесть наказаний за недоимки как для самих неплательщиков, так и для ответственных за их сбор помещиков и чиновников, вплоть до конфискации имений и арестов помещиков. При этом, по некоторым данным, правительство располагало далеко не полной информацией о реальном положении дел. Так, чиновники Кругс-комиссариата неоднократно писали, что с мест более половины ведомостей не прислано²⁰.

Напротив, в 1740–1760-х гг. недоимки вроде бы перестали столь сильно беспокоить правительство. Сокращается число указов, в которых они упоминаются, тяжесть наказаний за неуплату снижается. Правительство начинает прощать недоимки и сокращать оклады. Так, в 1740 г. оклад понижается на 17 копеек (24%), что, естественно, привело к сокращению недоимок. Можно предположить, что причинами подобных изменений стали постепенная переориентация бюджета на косвенное налогообложение²¹. Весьма вероятно, впрочем, и то, что правительство стало гораздо более спокойно относиться к положению со сбором подушной подати, осознав, что существующий уровень недоимок не угрожает финансовому положению государства.

Таким образом, законодательство демонстрирует совершенно определённую динамику от драматизации положения с собираемостью налогов в конце 1720–1730-х гг. к превращению борьбы с недоимками в рутинную проблему в 1740–1760-х. Однако судить по законодательству о реальной ситуации было

¹⁹ ПСЗ-I. Т. 7. № 5123.

²⁰ См., например: РГВИА, ф. 21, оп. 1, д. 12, л. 28–29.

²¹ Троцкий С.М. Финансовая политика... Таблица 18.

бы весьма опрометчиво. Сами чиновники признавали большой дефицит информации на эту тему, а анализ содержания законов позволяет сделать вывод, что правительство не столько опиралось на объективные данные, сколько лишь с большей или меньшей интенсивностью воспроизводило набор стандартных формул, призванных не позволить налогоплательщикам и чиновникам «расслабиться». Между тем, именно законы были одним из источников для дореволюционных и советских историков (в частности, П.Н. Милюкова, С.М. Троицкого и др.), которые в своих работах в большей степени транслировали представления правительства о недоимках, чем изучали фискальные реалии.

Но если законодательство не отражает этих реалий, то, очевидно, что менее идеологически нагруженная информация может содержаться в документах, создававшихся внутри фискальной системы. Существует два типа таких документов: первичная документация местных органов власти, которые принимали подушные деньги у налогоплательщиков, распределяли и частично расходовали их, и обобщающие отчёты, формировавшиеся в центре на основании документов, присланных из провинций. Следует отметить, что обобщающие ведомости наряду с законодательством стали для историков важнейшим источником изучения феномена недоимок²². Они создавались раз в 5–10 лет и, как правило, содержали данные о недоимке по всей России на протяжении десятилетия, а то и более (чаще всего с года проведения ближайшей ревизии), порой без конкретизации по отдельным территориям и периодам. При этом сумма собранных налогов указывалась редко. Не всегда ясно, какие именно первичные документы и за какой месяц использовались для составления ведомостей. Именно из таких обобщающих ведомостей появилась часто приводящаяся в литературе цифра о недоимке в 5 млн рублей, которая, как считается, сформировалась к началу 1740-х гг.²³ Но откуда взялась сама эта цифра, и что она значит? Если, скажем, сравнить её с общим объёмом собранных налогов за тот же период, который составил к 1740 г. более 50 млн руб., то окажется, что недоимка в 5 млн составляла не более 10% от окладной суммы.

Таким образом, единственным логичным шагом при изучении собираемости подушной подати становится обращение к документам, создававшимся на местах. В уездах и провинциях формировался значительный массив такого рода документации: окладные книги подушного сбора, доимочные ведомости, книги прихода-расхода подушной подати, книги двухкопеечного сбора, квитанции об уплате, разного рода переписка местных властей. Основными источниками для определения уровня собираемости подушной подати должны стать окладные книги, доимочные ведомости и книги прихода-расхода подушной подати, которые велись в уездных и провинциальных канцеляриях по форме, окончательно регламентированной в 1736 г., когда печатные образцы книг были разосланы по уездам и провинциям²⁴.

Наиболее полно информация о собранных прямых налогах отражена в окладных книгах подушного сбора. Типичный документ такого рода представляет собой прошнурованную книгу (в сотни, часто более тысячи листов), каждая

²² Наиболее известный пример – это ведомость о знатных недоимщиках, которая использовалась в труде С.М. Троицкого: *Троицкий С.М. Финансовая политика...* С. 139.

²³ См., например: *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 100.*

²⁴ РГАДА, ф. 16. Внутреннее управление, оп. 1, д. 366.

страница которой заверена подписью офицера подушного сбора или воеводы. Эта книга создавалась каждый год в нескольких экземплярах. Она включала в себя список всех государственных, монастырских, помещичьих и др. имений, сёл и деревень данного уезда (которые идентифицировались по административно-топографическому признаку и по владельцам) в соответствии с данными ревизии. По каждой окладной единице указывалась сумма внесённого налога и даты внесения платежей (подушная подать сначала собиралась по третям, а потом по полугодиям). Итоговых цифр в окладных книгах, как правило, не приводится. Этот источник позволяет анализировать годовой уровень уплаты подушной подати по уезду. Подобные документы встречались мне только для уездов. Сохранность этого источника в целом по России, судя по фондам провинциальных канцелярий, значительно ниже сохранности доимочных ведомостей, что, возможно, связано с его значительным объёмом.

Доимочные ведомости также представляют собой прошнурованные книги «за скрепою» офицера подушного сбора. Они составлялись раз в несколько лет на основе окладных книг. Объём их был значительно меньше, поскольку в них указывались только неплательщики, размер недоимки по годам и факт уплаты недоимки в тот год, на который они составлялись. Итоговые цифры в них также не выводились. По крайней мере, с 1736 г. именно на основе доимочных книг составлялись направляемые в центр сводные ведомости. В масштабах России все эти документы даже с учётом плохой сохранности составляют тысячи единиц, они рассредоточены по различным фондам и архивохранилищам и на их выявление и обработку уйдёт не один десяток лет.

В данной статье я сконцентрируюсь на материалах по Переславль-Рязанскому уезду Переславль-Рязанской провинции Московской губ. Одной из основных причин для выбора этого уезда является хорошая сохранность источников, которая позволяет подсчитать погодовой уровень сбора подати на указанной территории на протяжении нескольких десятилетий. Хронологические рамки анализа ограничены 1727 и 1755 г. Первая дата определена наличием данных в источниках. Завершение анализа 1755 г. объясняется тем, что ни в центральном, ни в областном архивах я не обнаружила первичных источников более позднего времени по данному уезду (это не означает, что они перестали составляться). Кроме того, следует иметь в виду, что в 1747 г. в связи с проведением второй ревизии изменился реестр имений в окладных книгах и доимочных ведомостях, что изменило и оклад подушной подати. Для периода до 1747 г. я обработала сведения о недоимках или уплате налогов по 1323 помещичьим и дворцовым имениям (впрочем, последних было всего 4), в которых проживало около 58 тыс. крестьян. С 1747 г. речь пойдёт о 1413 поместьях, где проживало 61 609 крестьян. Доля монастырских крестьян в уезде была незначительна, а государственных не было вообще. Итоги подсчётов по уезду приведены в таблице 2. Пропуски в таблице вызваны отсутствием окладных книг или доимочных ведомостей за тот или иной период. Ряд пробелов в третьем столбце связан с тем, что обработка данных в настоящее время продолжается.

Все категории крестьян в казну платили 7-гривенный сбор (70 коп.) (если не было специальных указов, вносивших изменения в установленный оклад), который составлял в целом 90% валового подушного сбора в уезде и о котором преимущественно и пойдёт речь далее. Комплексное изучение окладных книг и доимочных ведомостей позволяет выявить в едином, на первый взгляд, по-

**Недоимки помещичьих и дворцовых имений
Переславль-Рязанского уезда в 1724–1755 гг., руб.**

Годы	Оклад	Недоимки по окладным книгам	Недоимки при составлении доимоч- ных ведомостей	Недоимки в момент закрытия доимочных ведомостей
1724	42 954		340.36	
1725	40 632.2		0	
1726	40 632.2		3.2	
1727	27 069.3		8.93	
1728	27 069.3		34.54	
1729	40 632.2		84	
1730	27 069.3		161.19	
1731	40 632.2		249.11	
1732	40 632.2		512.41	473.21
1733	40 632.2		790.6	
1734	40 632.2	1 197.7	1 108	
1735	40 632.2		628.18	597.03
1736	40 632.2		650.92	
1737	40 632.2	2 173.34	277.26	198.1
1738	40 632.2	7 712.67	639.26	
1739	40 632.2	2 460.8	987	208.48
1740	30 764.4		174.31	174.31
1741	40 632.2		259.35	
1742	34 827.6		228.9	216
1743	34 827.6		247.7	
1744	40 632.2		378.94	
1745	40 632.2		428.91	324.61
1746	40 632.2		372.65	
1747	43 388		125.87	
1748	43 388		162.97	
1749	43 388		207.78	108.62
1750	43 388		182.17	
1751	41 278	1 048.8	89.37	
1752	41 124	889.19	602.78	
1755	39 379	1 150		

Составлено по: РГАДА, ф. 273, оп. 1, ч. 8, д. 32712, 32714, 32715, 32727–32729, 32558, 32568; ф. 438, оп. 1, д. 31, 103.

казателе «недоимки по подушной подати» несколько совершенно разных цифровых рядов²⁵.

Первоначально недоимки фиксировались в окладных книгах. На основании этого типа источников можно установить, какая часть подушной подати не была уплачена к окончанию финансового года. Эта, условно говоря, «первичная» недоимка уплачивалась в течение следующего года или двух, причём значительная её часть – в течение нескольких месяцев следующего года. Причиной появления этого вида недоимки могли быть не только экономические трудности, но и недисциплинированность налогоплательщиков, сознательная задержка выплаты, наконец, отсутствие достаточного времени для сбора де-

²⁵ На неоднородность понятия «недоимки» для XVII в. обратил внимание М.А. Мацук, который выделил номинальную и реальную составляющую в недоимках. См.: *Мацук М.А.* Налоги и повинности черносопного крестьянства Яренского уезда в к. XVI–XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1984. С. 182.

нег и доставления их в уезд. Факт «оперативной» уплаты части этих недоимок фиксировался в текущих отчётах в центр помесечно, факт же более поздней уплаты части недоимок – в доимочных ведомостях.

Данные доимочных ведомостей можно разбить на два ряда цифровых показателей. Во-первых, это недоимки, остававшиеся неуплаченными к началу того периода, на который составлялась доимочная ведомость. Эта цифра обычно существенно меньше той, что фигурирует в окладных книгах и помесечных отчётах в центр. Наконец, последняя цифра фиксирует долг перед казной, так и не погашенный на момент закрытия доимочной ведомости. Именно она отражала существование у плательщиков серьёзных экономических трудностей. В дальнейшем эта цифра уже редко уменьшалась.

Анализ таблицы показывает, что собираемость налогов была высокой и составляла более 90%. В тех случаях, когда за один год есть данные по всем трём датам, разница между ними весьма значительна. Например, в 1739 г. сумма недоимок была 2 460 руб. Через год она составила только 987 руб., а через несколько лет – около 200 руб., и в дальнейшем существенно уже не менялась.

Максимальные недоимки, зафиксированные в окладных книгах, на протяжении первых 30 лет после введения подушной подати были в дворцовой, а не в помещичьей деревне. Эта закономерность может объясняться тем, что представители дворцовой администрации допускали больший произвол в отношении крестьянской общины дворцовых волостей, чем частновладельческих сёл и деревень²⁶.

Таким образом, приходные документы на протяжении первых двух десятилетий существования подушного обложения демонстрируют высокий уровень ежегодной собираемости подати. Возможно ли, что эти цифры были не более чем фикцией, существовавшей лишь на бумаге? Насколько достоверны приходные документы? Для косвенной проверки приведённых данных можно привлечь другой источник – книги расхода денежной казны. Этот источник также был документом строгой финансовой отчетности, прошнуровывался и скреплялся подписью. В расходные книги вносились дата, сумма израсходованных налогов и место, куда эти деньги направлялись. Для Переславль-Рязанского уезда указанного периода подобный тип источника обнаружен не был, но он сохранился для соседней черноземной провинции. В 1760 г. Тамбовская провинциальная канцелярия составила рапорт о расходе денежной казны подушного сбора «по ассигнованиям» главного комиссариата с 1747 по 1760 г.²⁷, т.е. в данной ведомости приведены цифры только по одному из направлений расхода подушной подати. Недоимки за 14 лет на данной территории составили 20 263.2 руб. Но в той же ведомости приведена общая сумма собранных налогов за этот период (580 273.68 руб.), которая обычно отсутствует в других, приходных документах, особенно отложившихся в фондах центральных государственных учреждений²⁸. Сравнение неуплаченных и уплаченных налогов демонстрирует, что реальная доля недоимок за 14 лет составила только 3.4%.

О надёжности низовых документов говорят и данные о процедурах их оформления. Ведение книг, с одной стороны, контролировалось самими налогоплательщиками, которые получали квитанции одновременно с записью в

²⁶ Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в., М., 1964. С. 40.

²⁷ РГАДА, ф. 447, оп. 1, д. 1551.

²⁸ РГВИА, ф. 393, оп. 4, д. 11, 215, 217 и др.; оп. 5, д. 19, 22 и др.

окладную книгу, а с другой – вышестоящими органами власти. Последние проводили ревизии книг, получая их из уезда на проверку и шнурование. При этом все книги велись в канцелярии, лежали на столах, и камору охранял отставной военный²⁹.

Таким образом, два вида финансовой отчётности – низовые документы и обобщающие ведомости за несколько лет, составлявшиеся в центре, – способны создать совершенно разные представления об уровне собираемости подушной подати. На мой взгляд, первичная документация гораздо более достоверна, искажения же возникали в процессе обработки низовых данных, суммирования и подсчёта итогов. Разрыв между представлениями правительства и фискальными реалиями, реконструируемыми на основании низовой документации, является прежде всего индикатором управленческих, административных проблем.

Как известно, в России XVIII в. не существовало централизованного бюджета, а деньги распределялись на уровне провинциальных канцелярий. При этом одна их часть расходовалась на местах (на провиант, фураж, содержание рекрутов, обмундирование и амуницию), другая «свозилась за ассигнованием» в столицы (в Главный комиссариат в Москву, в комиссариатскую контору в Санкт-Петербург), третья покрывала «долги», а четвертая отправлялась сразу в полки. В подобной «паутине» финансовых потоков для центрального правительства единственным источником сведений о ситуации со сбором налогов стали отчеты, которые поступали: о приходе подушной подати – с мест, а о расходе – из Военной коллегии. При этом ведомости для центральных органов создавались с 1740-х гг., как правило, в обобщенном виде, т.е. недоимка за разные годы аккумулировалась. Следует также иметь в виду, что итоговые ведомости формировались на основании низовых ведомостей, которые создавались в разные месяцы одного года, что фактически дезинформировало правительство. Кроме того, не все ведомости поступали в центр.

Ведомость 1740 г. по Переславль-Рязанской провинции (см. табл. 3) демонстрирует, как могла формироваться искажённая картина. Погодовые данные показывают сравнительно небольшую недоимку. Но в итоговый отчёт включалась только общая сумма. В этом примере по всей провинции в недоборе за 16 лет было 69 863.57 руб., причём более половины этой суммы, 37 053.89 руб., составляла недоимка за последний, 1740 г. Она в значительной степени погашалась в течение следующего года, что подтверждается данными по Михайловскому уезду, где на 1740 г. числилась недоимка в 11 010 руб., а в указе от августа 1741 г., на 1740 г. показано недоимки 565.27 руб.³⁰

Параллельно правительство получало информацию о собираемости подушной подати от Военной коллегии в виде данных о денежном обеспечении армии. Как оценить степень информированности этого ведомства о расходах? Анализ архивного материала о запросах коллегии в провинциальные канцелярии с требованием прислать недостающие деньги показывает, что всю подобную переписку можно свести к нескольким типичным ситуациям:

1) Неполученные центром подушные деньги были потрачены на месте. Например, в соответствии со счетами Военной коллегии Рязанская провинциальная канцелярия должна была выслать на «заплату генералитету и полкам» за 1737 г. 90 012.25 руб. Из требуемой суммы к 1740 г. не было выслано

²⁹ РГАДА, ф. 304, оп. 1, д. 374, л. 15.

³⁰ Государственный архив Рязанской области, ф. 1, оп. 1, д. 526а, л. 444об.–445.

**Недоимки семигривенного подушного сбора на 1740 г. по уездам
Переславль-Рязанской провинции, руб.**

Годы	Сумма недоимок по уездам					Итого
	Переславский	Михайловский	Пронский	Зарайский	Печерники	
1724	168.49	1 818.79	449.71	0	0	2 436.99
1725	1.4	0	0	0.7	0	2.1
1726	2.8	1.4	11.2	1.66	0	17.06
1727	6.49	2.35	68.6	4.25	0	81.69
1728	32.49	79.8	82.67	12.1	0	207.06
1729	78.07	1 018.41	374.08	0	0	1 470.57
1730	92.81	1 435.54	465.6	22.09	115.58	2 131.62
1732	478.71	1 172.17	795.65	31.15	259.35	2 737.03
1733	729.17	276.15	871.73	31.15	310.1	2 218.31
1734	1 158.28	485.44	1 321	53.55	496.65	3 514.92
1735	610.22	276.5	986.07	46.55	367.5	2 286.84
1736	584.45	981.56	2 109.11	51.5	510	4 236.62
1737	271.93	529.2	1 431.73	34.75	21.45	2 289.07
1738	462.41	915.71	1 686.84	44.12	468.85	3 577.93
1739	977.48	1 987.56	2 603.23	33.6	—	5 601.87
1740	5 318.58	11 010	18 606.04	1 486.47	632.8	37 053.89

Составлено по: РГВИА, ф. 393, оп. 4, д. 12, л. 4–5.

6 432.25 руб.³¹ По ведомостям провинциальной канцелярии, всей недоимки за 1737 г. было 2 289.07 руб., которые нельзя взыскать «за пустотою и скудостью». Недостающие же деньги (более 4 тыс. руб.), как сообщала провинциальная канцелярия, были употреблены на содержание рекрут и закупку фуража для драгунских лошадей, и информация об этом была вовремя отправлена наверх. Таким образом, большая часть недостачи была в соответствии с законом израсходована на местах, но отчёты об этом, отправленные в Военную коллегию, были либо не получены, либо не обработаны. В итоге деньги были собраны и потрачены, но переписка о них шла к 1740 г. уже на протяжении 3 лет.

2) Путаница в суммах собранных и потраченных подушных денег была связана с сокращением подушного оклада. Как действовал механизм обеспечения армии в случае снижения оклада, не совсем ясно, но выявленная переписка свидетельствует, что этот фактор вносил в и без того запутанные расчёты ещё один элемент хаоса. Так, во второй половине 1740 г. Военная коллегия послала в Переславль-Рязанскую провинцию указ с требованием уплаты значительной недоимки. В ответ местные власти объяснили, что не могут выслать недостающие деньги, так как в 1740 г. из подушного оклада в 0.7 руб. было выключено 17 коп., а значит, недостающие налоги (23 324.96 руб.) и не должны были собираться³².

Таким образом, отчёты и провинциальных канцелярий о приходе подушных денег, и Военной коллегии – о расходах не создавали реальной картины задолженности, а главное – не были прозрачны и сопоставимы друг с другом. Так, в 1738 г. чиновники писали: «А сколько в доимке надлежало быть, того

³¹ РГВИА, ф. 393, оп. 4, д. 12, л. 24–24 об.

³² Там же, л. 31.

подлинно познать не можно» и «между собой присланные ведомости из городов счёты с генерал-кригс-комиссариатскою конторою ведомостями не являются сходны»³³. Можно привести множество других примеров подобных признаний, означающих, что само правительство не считало достоверными цифры о собранных налогах.

Но наиболее яркий, на мой взгляд, пример относится к деятельности Ревизион-коллегии, которая в теории должна была обладать всей полнотой информации. В 1764 г. сенатор кн. Я.П. Шаховской признавал: «К тому ж еще между прочим в присланных к нему репортах Ревизион коллегия и ея кантора представляют, что из полученных во оныя разных с 1730 году щетов решено 148 582 щета на сумму 217 556 233 руб. 18 $\frac{1}{2}$ коп..., а затем еще не обревизовано наличных щетов 43 132 щета, о которых Ревизион кантора представляет, что имеющейся при оной 8 палат наполнены все присылаемыми из разных мест, а особливо из армии многочисленно привезенных щетов, которых та кантора класть где уже места не имеет, а ревизион коллегия объявляет, что для обревизования де из разных присудственных мест более 4 000 щетов в год вступает, а некоторые присудственные места, которые имеют свои доходы с 1732 году и поныне ни об одном годе кратких ведомостей не прислали и подчиненных своих мест щетов не окончили, а статс кантора хотя де щеты и присылает с показанием что было в каждом году в рентереях, а что во всем государстве в приходах и расходах ея ведомства зборов, не показывает ис ассигнации книг тех и ведомостей... Да и еще в недосылке в коллегия из разных мест с 1730 году числится 26 756 щетов». Вывод сенатора был неутешителен: «А как и ныне вашему императорскому величеству известно, что от времени до времени столь великое число умножилось неревизованных щетов, что многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»³⁴.

Но как же фиксировались в итоговых отчётах данные об уплаченных или неуплаченных налогах по тем провинциям, откуда ведомости не поступили? Я встретила только один пример, когда в окончательном выводимых правительством цифрах поступлений не просто оговаривалось, что ведомостей не прислано, но была попытка произвести расчёт налогов, которые были получены, но не учтены. Речь идёт о ведомости, составленной в 1725 г. и учитывавшей поступление подушных денег с крестьянства за 2 года. В ней указывался оклад (в 1724–1725 гг. с крестьян надлежало взять 7 776 867.28 руб.) и поступившая сумма налогов (6 799 043.5 руб.). Отдельно оговаривалось, что из четырёх полков ведомостей о сборе подати не было прислано. Чиновники рассчитали оклад, который надлежало собрать в тех регионах, откуда не пришли ведомости (112 541.5 руб.), а далее отметили, что если эти деньги получены сполна, то тогда следует считать, что всего поступило 6 911 585 руб.³⁵ Таким образом, в отчёте были зафиксированы две различные суммы, причём было неясно, какую из них правительству следует использовать в дальнейшем. И подобные двойные ряды цифр возникали по всем видам подушного платежа: 7-гривенного, 4-гривенного и сорокоалтынного. Кроме того, отдельно оговаривалось, что «сверх оклада» (неясно, на каких основаниях) было собрано с купечества и государственных крестьян более 200 тыс. руб., которые были включены в итоговую сумму полученных налогов. Но покрывали ли эти деньги недоимку

³³ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 12, л. 3–4, 28–29.

³⁴ РГАДА, ф. 16. Внутреннее управление, оп. 1., д. 340, л. 94 об.–95 об., 97.

³⁵ Там же, д. 56, л. 49 об.–50.

или нет, также не пояснялось. Таким образом, фактически государство с самого начала сбора подушной подати вело своеобразную «двойную бухгалтерию». Однако впоследствии такая практика уже не встречалась, по-видимому, из-за резкого роста объёмов документооборота и сопровождавшей его и без того колоссальной неопределённости в счетах.

Почему же правительство на протяжении более 40 лет так и не смогло наладить надёжные каналы регулярного получения информации с мест? Думаю, что простое объяснение: «вся медленность и беспорядок происходят от того, что высочайшим учреждениям или невнимают, или и внимают, но по оным не исполняют»³⁶ – здесь не подойдет. Ответ на этот вопрос во многом заложен в основных принципах самой подушной подати. При её введении преследовалось две главные цели: своевременно обеспечить армию и уменьшить коррупцию, что достигалось установлением фиксированного оклада, упрощением процедуры сбора и децентрализацией распределения денежных потоков. Всё это позволяло сократить временные затраты по перевозке денег и издержки на администрирование. Однако, передавая на места расходы на армию, центральное правительство вовсе не собиралось отказываться от жёсткого контроля за ними. Вот только состояние чиновничьего аппарата в центре и в ещё большей степени на местах явно не позволяло эффективно осуществлять такой контроль. В 1737 г. в указе Военной коллегии говорилось, что с 5 426 816 душ следовало собрать 3 798 775.94 руб. семигривенных. «У подушного сбора, по мнению генерал-кригс-комиссариатской конторы, определялся бы полковник один, подполковников 5, пример майоров 16, секунд майоров 12, капитанов 10, поручиков 49, прапорщиков 96, итого 188, при них же сержантов 72, каптернамусов 93, капралов 173, солдат 2 735, итого 3 073, канцеляристов 71, подканцеляристов 76, копиистов 328, итого 495, а всего 3 756 человек»³⁷. Таким образом, Военная коллегия считала, что штат в 3 756 человек справится со сбором подушной подати с 5 426 816 душ. При этом в реальности комплектование местной администрации далеко не всегда соответствовало штатам (см. расчёт, произведённый в Переславль-Рязанской провинции, в табл. 4; третий столбец указывает на количество дополнительных «штатных единиц», на которое, по мнению провинциальных чиновников, было необходимо расширить существующий штат).

Что думали на местах о достаточности такого количества чиновников? «Переславская провинция пишет: понеже де по количеству душ и по обширности в Рязанской провинции уездов, и остаточных и накладных двукопеечных денги за умножением касающихся при подушном сборе щетов... быть надлежит, ибо хотя как канцелярских служителей, так и урядников и солдат до определенного штата было и довольное число, но токмо в щетах и в прочих требуемых ведомостях отправлением чинилась остановка»³⁸. Составление в срок ежемесячных отчётов и ведение базовой документации требовало образованного и достаточно многочисленного чиновничьего местного аппарата. Между тем исследователи отмечают, с одной стороны, крайне низкий профессиональный уровень рядовых провинциальных чиновников, а с другой – их острую нехватку³⁹.

³⁶ РГАДА, ф. 16. Внутреннее управление, оп. 1, д. 215, л. 1.

³⁷ РГВИА, ф. 23, оп. 1, д. 824.

³⁸ РГВИА, ф. 393, оп. 5, д. 419, л. 2.

³⁹ См., например: *LeDonne J.P. Absolutism and ruling class. The Formation of the Russian Political Order 1700–1825.* Oxford, 1999. P. 14.

**Укомплектование Переславль-Рязанской провинциальной канцелярии
в 1740-х гг.**

По штату быть положено	По расписанию оной провинции назначено быть	Ныне действитель- но обретается	Против штата требуется	Против штата излишне состоит
Пример майор	1	1		
Поручиков	3		3	
Прапорщиков	1	1		
Сержантов	2	6		4
Каптенармусов	4	6		2
Капралов	4	14	2	10
Солдат	74	95	11	21
Канцеляристов	2	6		4
Подканцеляристов	4	4	3	
Копиистов	9	9	2	

Составлено по: РГВИА, ф. 393, оп. 5, д. 419, л. 2.

В архивах можно найти огромное количество примеров бюрократического хаоса на местах. Проблемы возникали как в самой провинциальной канцелярии, так и между нею и налогоплательщиками. Самым большим вопросом был дефицит квалифицированных и добросовестных канцелярских служащих. Так, смоленский губернатор Бутурлин обращал внимание на «крайнее неможение» канцеляристов в качественном и своевременном написании отчётов⁴⁰, по которым фактически и оценивался сбор подушной подати в имперском масштабе. Правительство периодически требовало приковать кандалами канцеляристов и не выпускать их из канцелярий, пока отчёты не будут составлены. Показателен случай, произошедший на территории Сапожковского уезда, входившего в состав Переславль-Рязанской провинции. В апреле 1741 г. из Переславля-Рязанского был послан в Сапожок курьер с тем, чтобы привезти недостающие отчёты о сборе подушной подати за 1731–1740 гг. Однако выяснилось, что часть приходно-расходных книг, которые и должны были лечь в основу отчёта, не подписал местный воевода, другая же отсутствовала в Сапожке, так как была отправлена в Рязань для запечатывания и шнурования, а обратно не вернулась⁴¹. В результате итоговых ведомостей по Сапожковскому уезду за 1731–1740 гг. так и не было составлено. Таким образом, отсутствие ведомостей не давало правительству возможности понять, как обстояло дело с собираемостью подушных денег на территории целого уезда за целое десятилетие. О том же говорят и сводные данные. В 1738 г. счётная контора Генерального Кригс-комиссариата получила 736 книг и 368 счетов, тогда как 966 книг и 483 счетов прислано не было⁴². Другая проблема заключалась в том, что и поступившие документы обрабатывались очень медленно из-за низкой квалификации персонала уже центральных правительственных органов.

⁴⁰ Филиппов А. Положение губернатора в тридцатых годах XVIII в. // Сборник статей, посвящённый Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909. С. 53.

⁴¹ РГАДА, ф. 438, оп. 1, д. 35.

⁴² РГВИА, ф. 21, оп. 1, д. 12, л. 28–29.

Таким образом, относительно высокая собираемость прямых налогов сочеталась в России с неспособностью правительства решить проблему информирования и документооборота. Это противоречие, на мой взгляд, легко объяснимо. Сама процедура сбора подушной подати была максимально упрощена (по сравнению с XVII в.), и потому сбор налогов могли осуществлять даже низкоквалифицированные чиновники. Учитывая, что подать должна была раскладываться, собираться и привозиться в канцелярию самими плательщиками (или их выборными), малочисленность чиновников не была критичной. А вот для ведения огромного документооборота требовалась квалификация, какой у канцеляристов того времени, как правило, не было.

Приведённый материал позволяет прийти к следующим выводам. Основная задача при работе с фискальной статистикой рассматриваемого времени заключается в корректном использовании различных типов данных, в их тщательной источниковедческой критике и преимущественной опоре на первичные источники, т.е. на фискальные документы провинциальных канцелярий. Этот тип данных демонстрирует высокий уровень собираемости подушной подати (более 90%). Значительный уровень неуплаты возникал в текущих годовых отчётах по ряду причин: из-за очень жёстких сроков внесения платежей, некоторой недисциплинированности плательщиков, а главное – из-за отсутствия налаженных процедур и каналов получения информации. Ключевую роль в возникновении и поддержании «бюрократического хаоса», плодившего непрозрачные формы отчётности и невозможность создавать и обрабатывать требуемую документацию в срок, играли исполнители-канцеляристы. При этом процедура сбора налога позволяла наладить поступление денег даже при условии нехватки и неквалифицированности провинциальных чиновников.

Из сказанного следует, что высокий уровень собираемости подушной подати вовсе не свидетельствует ни об эффективности российского бюрократического аппарата, ни о лёгкости налогового бремени, ни о бесперебойном финансировании армии. Ясно лишь, что необходимо проводить дополнительные исследования фискальных практик в России XVIII в. Существует потребность в эконометрическом анализе уровня собираемости налогов, в определении тяжести подушной подати для крестьянского и помещичьего хозяйств. Только таким образом можно корректно интерпретировать и высокую собираемость подушной подати, и влияние последней на экономическое развитие России. Тщательного анализа требуют механизмы взаимодействия местной администрации, крестьянских выборных властей и помещиков в процессе сбора подушной подати, с тем, чтобы понять, в какой мере государство хотело и могло контролировать этот процесс. Неясно также, каковы были модели фискального поведения помещичьих крестьян и их владельцев, государственных и монастырских крестьян, однодворцев. Неизвестны и практики взаимодействия чиновников и налогоплательщиков других национальностей (например, цыган, татар).